

**ИВАН
АНДРЕЕВИЧ
КРЫЛОВ**

ЛУЧШИЕ БАСНИ ДЛЯ
ДЕТЕЙ

Иван Андреевич Крылов

Лучшие басни для детей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6986472

Лучшие басни для детей / И.А. Крылов; сост., предисл., примеч. В.П.

Аникина.: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-084587-3, 978-5-17-083865-3

Аннотация

В книгу включены избранные басни классика русской литературы Ивана Андреевича Крылова (1769–1844), вошедшие в круг чтения детей. Составление, вступительная статья, комментарии В.П. Аникина. Для детей среднего школьного возраста.

Содержание

Русский гений	6
Ворона и Лисица	11
Дуб и Трость	13
Музыканты	15
Ворона и Курица	16
Ларчик	18
Лягушка и Вол	20
Волк и Ягнёнок	21
Обезьяны	23
Синица	25
Осёл	27
Мартышка и очки	29
Безбожники	30
Орёл и куры	32
Бочка	34
Волк на псарне	36
Ручей	38
Лисица и Сурок	40
Прохожие и Собаки	42
Стрекоза и Муравей	43
Лжец	45
Орёл и Пчела	48
Заяц на ловле	50

Щука и Кот	51
Волк и Кукушка	53
Петух и Жемчужное Зерно	55
Крестьянин и работник	56
Обоз	58
Воронёнок	60
Слон на воеводстве	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Иван Андреевич Крылов

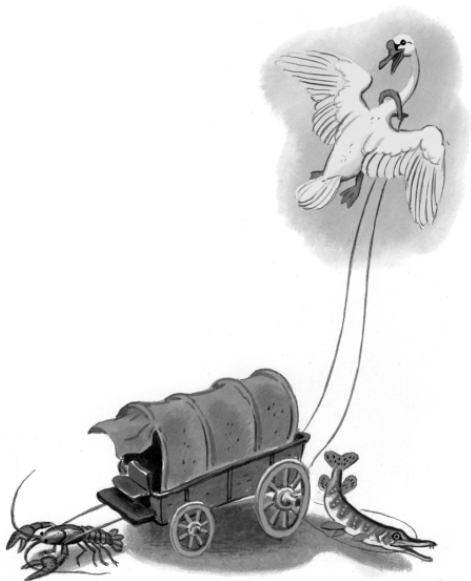
Лучшие басни для детей

Составление, предисловие, примечания и пояснения

В.П. Аникина

Художники

С. Бордюг и Н. Трепенюк

Русский гений

Свои первые басни двадцатилетний Иван Андреевич Крылов, еще мало кому известный писатель, опубликовал в 1788 году, без подписи, в петербургском журнале «Утренние часы». А первую книгу басен выпустил спустя годы – лишь в 1809 году. Не без успеха поработав в разных видах творчества, Крылов понял, что жанр басни больше всего удастся ему. Басня стала почти исключительным родом его творчества. И скоро к писателю пришла слава первоклассного автора.

Художественный дар Крылова-баснописца в полной мере раскрылся, когда он соединил свои обширные познания в области древних и новых европейских литератур с осознанием, что облюбленный им вид творчества по природе при-

надлежит к роду творчества, в котором выражена народная мораль. Эта мораль, к примеру, явлена в русских сказках о животных, в пословицах, в поучениях, – вообще, в крестьянском *баснословии*. На Руси затейливый рассказ издавна называли *басней*. «Басни-сказки» неотделимы от живого ведения рассказа-выдумки, сдобренного шуткой, поучением. Этого-то долго не понимали многие предшественники Крылова, которые терпели неудачу, так как не осознали, что басня неотделима от разговорного языка.

Так, известный в XVIII столетии трудолюбивый филолог, член Петербургской академии – наук В.К. Тредьяковский (1703–1768) задолго до Крылова издал пересказ нескольких «эзоповских басенок». Среди них была и басня «Волк и журавль». Сюжет её тот же, что и у Крылова, но в изложении басни почти всё чуждо разговорной речи.

Подавился костью острою волк в некий день.

Так, что не был в силе ни завывать, да стал весь в пень.

Для того вот журавля нанял он ценою,

Чтоб из горла ту извлечь носа долгою.

Тредьяковский угадывал, что басенную историю надо излагать по-народному, и не случайно внес в свой перевод некоторые разговорные слова и выражения (хотя и не без искажения): «не был в силе ни завывать», «стал весь в пень», но перевод остался тяжелым, книжным.

Сравним с переводом Тредьяковского басню Крылова:

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, *евши*, никогда
Костей не разбирает.
За то на одного из них *пришла беда*:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк *ни охнуть, ни вздохнуть*;
Пришло хоть ноги протянуть!

Весь строй изложения легкий, изящный, понятный любому русскому человеку! Это наша живая речь. Крылов следовал интонации устного рассказа, в басенном рассказе нет и тени какой бы то ни было искусственности.

Известный ученый-филолог XX века Виктор Владимирович Виноградов специально изучал язык и стиль басен Крылова и отметил в них десятки народных пословиц. Ученый привел длинный перечень пословиц и поговорок, которые использовал баснописец, назвал их «семантическими скрепами», то есть связями, которые сообщают изложению басенной истории смысловое единство. Вот некоторые из них: «В семье не без урода» («Слон на воеводстве»), «Хоть видит око, да зуб неймет» («Лисица и виноград»), «Бедность не порок» («Откупщик и сапожник»), «Из огня да в полымя» («Госпожа и две служанки»), «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться» («Лев и мышь») и десятки других. Баснописец опирался на привычные в нашем языке обозначения и сравнения животных и птиц с людьми: ворона – ве-

щунья, но падка на лесть, осел упрям, лисица хитрая, медведь сильный, но глупый, заяц труслив, змея опасна и др. И действуют как люди. Пословицы и поговорки, присловья и слова-иносказания, включенные в басни, получили у Крылова развитие и смысловые уточнения.

Первенство Крылова среди баснописцев сохраняется и ныне. И в наше время его басни пленяют читателей. Он поставлен в один ряд с величайшими художниками всех времен и народов. Никого не удивляет, что его равняют с древнегреческим Эзопом, с другими всемирно известными баснописцами. Но более всего его ценят в России как художника, который выразил здравый смысл и ум нашего народа.

В.П. Аникин

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, – Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит,
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И верно ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньяина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, —

И на приветливы лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Дуб и Трость

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошёл.
«Поистине, роптать ты в праве на природу»,
Сказал он: «воробей, и тот тебе тяжёл.
Чуть лёгкий ветерок подёрнет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнёшь слабеть
И так нагнёшься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям, и грозам,
Стою и твёрд, и прям,
Как будто б ограждён ненарушимым миром.
Тебе всё бурей – мне всё кажется зефиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густую тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья». —
«Ты очень жалостлив»,
сказала Трость в ответ,
«Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасуюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:

Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что ещё доселе их свирепость
Твою не одолела крепость,
И от ударов их ты не склонял лица;
Но – подождём конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом, и с дождём шумящий аквилон.
Дуб держится, – к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

Музыканты

Сосед соседа звал откусать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало,
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня», сказал он с удивленьем:
«Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!» —
«То правда», отвечал хозяин с умиленьем:
«Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумей.

Ворона и Курица

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил:
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен Московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу?»
Ей с возу Курица кричит:
«Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело?»
Вещунья ей в ответ: «Я здесь останусь смело.
Вот ваши сёстры, как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А, может быть, ещё удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,

Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчётах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несёшься:
А как на деле с ним сочтёшься —
Попался, как ворона в суп!

Ларчик

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату Механики мудрец.
Взглянув на Ларчик,
он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В Механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдаётся:

«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвётся.
Потел, потел; но, наконец, устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

Лягушка и Вол

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?»
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далёко!» —
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего». —
«Ну, как теперь?» — «Всё то ж».
Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнившись с Воллом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин.

Волк и Ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том, как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?
За дерзость такую
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести: что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне ещё и отроду нет году»,
Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите:
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Обезьяны

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И боже сохрани, как худо!
Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затеям у него так, право, нет конца:
То кувыркнётся,
То развернётся,
То весь в комок
Он так сберётся,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на всё не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!

Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось уйдёт, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушёл и сети им оставил.
«Что ж», говорят они: «и время нам терять?
Пойдём-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат – веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда, пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерёг
И, видя, что пора, идёт к гостям с мешками,
Они, чтоб наутёк,
Да уж никто распутаться не мог:
И всех их побрали руками.

Синица

Синица на море пустилась;
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан, и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлепать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тароватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждёт;
Лишь изредка иной шепнёт:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? – и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом в-свояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

Осёл

Когда вселенную Юпитер населял
И заводил различных тварей племя,
То и Осёл тогда на свет попал.
Но с умыслу ль, или, имея дел беремья,
В такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошал:
А вылился Осёл почти как белка мал.
Осла никто почти не примечал,
Хоть в спеси никому Осёл не уступал.
Ослу хотелось бы повеличаться:
Но чем? имея рост такой,
И в свете стыдно показаться.
Пристал к Юпитеру Осёл спесивый мой
И росту стал просить большого.
«Помилуй», говорит: «как можно это снести?»
Львам, барсам и слонам везде такая честь;
Притом, с великого и до меньшого,
Всё речь о них лишь да о них;
За что ж к Ослам ты столько лих,
Что им честей нет никаких,
И об Ослах никто ни слова?
А если б ростом я с телёнка только был,
То спеси бы со львов и с барсов я посбил,
И весь бы свет о мне заговорил».

Что день, то снова
Осёл мой то ж Зевесу пел;
И до того он надоел,
Что, наконец, моления о слова
Послушался Зевес:
И стал Осёл скотиной превеликой;
А сверх того ему такой дан голос дикой,
Что мой ушастый Геркулес
Пораспугал было весь лес.
«Что то за зверь? какого роду?
Чай, он зубаст? рогов, чай, нет числа?»
Ну только и речей пошло, что про Оsla.
Но чем всё кончилось? Не минуло и году,
Как все узнали, кто Осёл:
Осёл мой глупостью в половицу вошёл.
И на Осле уж возят воду.

В породе и в чинах высокость хороша;
Но что в ней прибыли, когда низка душа?

Мартышка и очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть! – говорит она: – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне нагали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Безбожники

Был в древности народ, к стыду земных племён.
Который до того в сердцах ожесточился,
Что противу богов вооружился.
Мятежные толпы, за тысячью знамён,
Кто с луком, кто с пращей, шумя, несутся в поле.
Зачинщики, из удалых голов,
Чтобы поджечь в народе буйства боле,
Кричат, что суд небес и строг и бестолок;
Что боги или спят, иль правят безрассудно;
Что проучить пора их без чинов;
Что, впрочем, с ближних гор камнями нетрудно
На небо дошвырнуть в богов
И заметать Олимп стрелами.
Смутяся дерзостью безумцев и хулами,
К Зевесу весь Олимп с мольбою приступил,
Чтобы беду он отвратил;
И даже весь совет богов тех мыслей был,
Что, к убеждению бунтующих, не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потоп, иль с трусом гром,
Или хоть каменным ударить в них дождём.
«Пождём»,
Юпитер рёк: «а если не смирятся
И в буйстве прекоснят, бессмертных не боясь,

Они от дел своих казнятся».

Тут с шумом в воздухе взвилась
Тьма камней, туча стрел от войск богомятежных,
Но с тысячью смертей, и злых, и неизбежных,
На собственные их обрушились главы.

Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы,
Чем против божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час,
И обратятся все в громовые вам стрелы.

Орёл и куры

Желая светлым днём вполне налюбоваться,
Орёл поднебесью летал
И там гулял,
Где молнии рождаются.
Спустившись, наконец, из облачных вышин,
Царь-птица отдыхать садится на овин.
Хоть это для Орла насесток незавидный,
Но у Царей свои причуды есть:
Быть может, он хотел овину сделать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сесть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль, но только что Орёл
Не много посидел
И тут же на другой овин перелетел.
Увидя то, хохлатая наседка
Толкует так с своей кумой:
«За что Орлы в чести такой?
Неужли за полёт, голубушка соседка?
Ну, право, если захочу,
С овина на овин и я перелечу.
Не будем же вперёд такие дуры,
Чтоб почитать Орлов знатнее нас.
Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
Да ты же видела сейчас,

Что понизу они летают так, как куры».
Орёл отвечает, наскуча вздором тем:
«Ты права, только не совсем.
Орлам случается и ниже кур спускаться;
Но курам никогда до облак не подняться!»

Когда таланты судишь ты, —
Считать их слабости трудов не трать напрасно;
Но, чувствуя, что в них и сильно, и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты.

Бочка

Приятель своего приятеля просил,
Чтоб Бочкою его дни на три он ссудил.
Услуга в дружбе – вещь святая!
Вот, если б дело шло о деньгах, речь иная:
Тут дружба в сторону, и можно б отказать;
А Бочки для чего не дать?
Как возвратилась она, тогда опять
Возить в ней стали воду.
И всё бы хорошо, да худо только в том:
Та Бочка для вина брана откупщиком,
И настоялась так в два дни она вином,
Что винный дух пошёл от ней во всём:
Квас, пиво ли сварят, ну даже и в съестном.
Хозяин бился с ней близ году:
То выпарит, то ей проветриться даёт;
Но чем ту Бочку ни нальёт,
А винный дух всё вон нейдёт,
И с Бочкой, наконец, он принужден расстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьем вредным с юных дней
Нам стоит раз лишь напиться,
А там во всех твоих поступках и делах,
Каков ни будь ты на словах,

А всё им будешь отзываться.

Волк на псарне

Волк, ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём.
«Огня!» – кричат: «огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щёлкая и ошетиная шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом,
И что приходит, наконец,
Ему рассчесться за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры,
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, оставим общий лад!
А я, не только впредь не трону здешних стад,

Но сам за них с другими грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» – «Послушай-ка, сосед»,
Тут ловчий перервал в ответ:
«Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Ручей

Пастух у ручейка пел жалобно, в тоске,
Свою беду и свой урон невозвратимый:
Ягнёнок у него любимый
Недавно утонул в реке.
Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:
«Река несытая! что, если б дно твоё
Так было, как моё
Для всех и ясно, и открыто,
И всякий видел бы на тинистом сём дне
Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я, чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла
И в тёмных пропастях себя сокрыла.
Мне кажется, когда бы мне
Дала судьба обильные столь воды,
Я, украшеньем став природы,
Не сделал курице бы зла:
Как осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждого кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освежал долины и луга,
Но с них бы не унёс листочка.
Ну, словом, делая путём моим добро,
Не приключая нигде ни бед, ни горя,
Вода моя до самого бы моря

Так докатилась чиста, как серебро».

Так говорил Ручей, так думал в самом деле.

И что ж? Не минуло недели,

Как туча ливная над ближнею горой

Расселась:

Богатством вод Ручей сравнялся вдруг с рекой;

Но, ах! куда в Ручье смиренность делась?

Ручей из берегов бьёт мутною водой,

Кипит, ревёт, крутит нечисту пену в клубы,

Столетние валяет дубы,

Лишь трески слышны вдалеке;

И самый тот пастух, за коего реке

Пенял недавно он каким кудрявым складом,

Погиб со всем своим в нём стадом,

А хижины его пропали и следы.

Как много ручейков текут так смирно, гладко,

И так журчат для сердца сладко,

Лишь только оттого, что мало в них воды!

Лисица и Сурок

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки!»
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик-куманёк!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьёй,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска не доедала,
Ночей не досыпала:
И я ж за то под гнев подпала;
А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько». —
«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

—
Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, помаленьку,

То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согресишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

Прохожие и Собаки

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворняжка тьякнула на них;
За ней другая, там ещё две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.
Один было уже Прохожий камень взял:
«И, полно, братец!» тут другой ему сказал:
«Собак ты не уймёшь от лаю,
Лишь пуще всю раздразишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают, да отстанут.

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?»
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас

Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Лжец

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счёту прилыгал.
«Нет», говорит: «что́ я видал,
Того уж не увижу боле.
Что́ здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год всё видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растёт и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору». —
«Что за диковина!» приятель отвечал:
«На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.

Мы сами, вот, теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.

Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:

Лжец ни один у нас по нём пройти не смеет:

До половины не дойдёт —

Провалится и в воду упадёт;

Но кто не лжет,

Ступай по нём, пожалуй, хоть в карете». —

«А какова у вас река?» —

«Да не мелка.

Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!

Хоть римский огурец велик, нет спору в том,

Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нём?» —

«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом». —

«Поверить трудно!

Однако ж как ни чудно,

А всё чудён и мост, по коем мы пойдём,

Что он Лжеца никак не подымает;

И нынешней ещё весной

С него обрушились (весь город это знает)

Два журналиста, да портной.

Бесспорно, огурец и с дом величиной

Диковинка, коль это справедливо». —

«Ну, не такое ещё диво;

Ведь надо знать, как вещи есть:

Не думай, что везде по-нашему хоромы;

Что́ там за домы:

В один двоим за нужду влезть,

И то ни стать, ни сесть!» —

«Пусть так, но всё признаться должно,

Что огурец не грех за диво счесть,

В котором двум усесться можно.

Однако ж, мост-ат наш каков,

Что Лгун не сделает на нём пяти шагов,

Как тотчас в воду!

Хоть римский твой и чуден огурец...» —

«Послушай-ка», тут перервал мой Лжец:

«Чем на мост нам итти, поищем лучше броду».

Орёл и Пчела

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придаёт,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлён одной:
Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вкруг цветка,
Сказал Орёл однажды ей с презреньем:
«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с уменьем!
Вас в улье тысячи всё лето лепят сот:
Да кто же после разберёт
И отличит твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век, и что ж иметь в виду?..
Безвестной умереть со всеми наряду!
Какая разница меж нами!
Когда, расширися шумящими крылами,
Ношуся я под облаками,
То всюду рассеваю страх:
Не смеют от земли пернатые подняться,

Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться».

Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля мёду есть».

Заяц на ловле

Большой собравшись гурьбой,
Медведя звери изловили;
На чистом поле задавили —
И делят меж собой,
Кто что себе достанет.
А Заяц за ушко медвежье тут же тянет.
«Ба, ты, косой»,
Кричат ему: «пожаловал отколе?
Тебя никто на ловле не видал». —
«Вот, братцы!» Заяц отвечал:
«Да из лесу-то кто ж, – всё я его пугал
И к вам поставил прямо в поле
Сердечного дружка?»
Такое хвастовство хоть слишком было явно,
Но показалось так забавно,
Что Зайцу дан клочок медвежьего ушка.

Над хвастунами хоть смеются,
А часто в дележе им доли достаются.

Щука и Кот

Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдёт на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот всегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль её лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял её с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?»
Стал Щуке Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даром говорится,
Что дело мастера боится». —

«И, полно, куманёк! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей». —
«Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот
И кумушку проведать он идёт;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, —
И крысы хвост у ней отъели.
Тут видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил её обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперёд умнее быть
И за мышами не ходить.

Волк и Кукушка

«Прощай, соседка!» Волк Кукушке говорил:
«Напрасно я себя покоем здесь манил!
Всё те ж у вас и люди, и собаки:
Один другого злей; и хоть ты ангел будь,
Так не минуешь с ними драки». —
«А далеко ль соседу путь?
И где такой народ благочестивой,
С которым думаешь ты жить в ладу?» —
«О, я прямёхонько иду
В леса Аркадии счастливой.
Соседка, то-то сторона!
Там, говорят, не знают, что война;
Как агнцы, кротки человеки,
И молоком текут там реки;
Ну, словом, царствуют златые времена!
Как братья, все друг с другом поступают,
И даже, говорят, собаки там не лают,
Не только не кусают.
Скажи ж сама, голубка, мне,
Не мило ль, даже и во сне,
Себя в краю таком увидеть тихом?
Прости! не поминай нас лихом!
Уж то-то там мы заживём:
В ладу, в довольстве, в неге!

Не так, как здесь, ходи с оглядкой днём,
И не засни спокойно на ночлеге». —
«Счастливым путь, сосед мой дорогой!»
Кукушка говорит: «а свой ты нрав и зубы
Здесь кинешь, иль возьмёшь с собой?» —
«Уж кинуть, вздор какой!» —
«Так вспомни же меня, что быть тебе
без шубы».

Чем нравом кто дурней,
Тем более кричит и ропщет на людей:
Не видит добрых он, куда ни обернётся,
А первый сам ни с кем не уживётся.

Петух и Жемчужное Зерно

Навозну кучу разрывая,
Петух нашёл Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чём толку не поймут, то всё у них пустяк.

Крестьянин и работник

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик-Крестьянин с Батраком
Шёл, под-вечер, леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка родной, не выдай, милой!»
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот, новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нём,
Отнёс полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.

Медведь взревел и замертво упал:

Медведь мой издыхает.

Прошла беда; Крестьянин встал,

И он же Батрака ругает.

Опешил бедный мой Степан.

«Помилуй», говорит: «за что?» – «За что, болван!

Чему обрадовался сдуру?

Знай колет: всю испортил шкуру!»

Обоз

С горшками шёл Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понёс,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хвалёный, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осёл! Добро бы было в гору,
Или в ночную пору;
А то и под-гору, и днём!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнём!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезём, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под-гору она перевалилась,

Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырёх ног
На-славу;
По камням, рытвинам, пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом – бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Всё кажется в другом ошибкой нам:
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

Воронёнок

Орёл

Из-под небес на стадо налетел

И выхватил ягнёнка,

А ворон молодой вблизи на то смотрел.

Взманило это Воронёнка,

Да только думает он так: «Уж братъ, так братъ,

А то и когти что марать!

Бывают и орлы, как видно, плоховаты.

Ну, только ль в стаде что ягняты?

Вот я как захочу

Да налечу,

Так царский подлинно кусочек подхвачу!»

Тут Ворон поднялся над стадом,

Окинул стадо жадным взглядом:

Из множества ягнят, баранов и овец

Высматривал, сличал и выбрал, наконец,

Барана, да какого?

Прежирного, прематерого,

Который доброму б и волку был в подъём.

Издадьясь, на него спустился

И в шерсть ему, что силы есть, вцепился.

Тогда-то он узнал, что добычь не по нём.

Что хуже и всего, так на баране том

Тулуп такой был прекосматый,

Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что из него когтей не вытербил вон
Затейник наш крылатый,
И кончил подвиг тем, что сам попал в полон.
С барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы он не мог летать,
Ему все крылья окарнали
И детям отдали играть.

Нередко у людей то ж самое бывает,
Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
Чтоб сходит с рук вора, за то воришек бьют.

Слон на воеводстве

Кто знатен и силён,
Да не умён,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без уroda:
Наш Воевода

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.